

Фрэнсис Брет Гарт

Мичман Бризи

Фрэнсис Брет Гарт
Мичман Бризи
Серия «Повести-пародии»

Аннотация

«Отец мой был лекарем в северной части нашего отечества. Он вдовцом вышел в отставку несколько лет тому назад из королевского флота; у него была небольшая практика в родной деревушке. Когда мне минуло семь лет, он посылал меня разносить лекарства к его больным. Я был очень живой мальчик и иногда забавлялся тем, что во время моих странствований перемешивал содержимое в различных стеклянках. Хотя я не имел причины сомневаться, что в общем этот способ лечения приносил пользу, тем не менее, когда после примеси крепкой ртутиальной воды к мокротогонному средству, предписанному нашему пастору, он умер, отец решил лишить меня моей должности и отправить в школу...»

Фрэнсис Брет Гарт

Мичман Бризи

Отец мой был лекарем в северной части нашего отечества. Он вдовцом вышел в отставку несколько лет тому назад из королевского флота; у него была небольшая практика в родной деревушке. Когда мне минуло семь лет, он посылал меня разносить лекарства к его больным. Я был очень живой мальчик и иногда забавлялся тем, что во время моих странствований перемешивал содержимое в различных стеклянках. Хотя я не имел причины сомневаться, что в общем этот способ лечения приносил пользу, тем не менее, когда после смеси крепкой ртутиальной воды к мокротогонному средству, предписанному нашему пастору, он умер, отец решил лишить меня моей должности и отправить в школу.

Школьный учитель Груббинс был тиран, и в скором времени я с своим непокорным и упрямым характером восстал против него. Я начал составлять план мщения. В этом помог мне Том Свафль, школьный товарищ. Как-то Том предложил:

– Взорвем его. – Я достал два фунта пороху.

– Нет, слишком шумно, – возразил я.

Том с минуту помолчал и снова сказал:

– Помнишь, как ты успокоил пастора, Пильс? Не можешь ли ты дать что-нибудь Груббинсу, чтобы его раздуло? Э?

Искра вдохновения осенила меня. Я отправился к деревенскому аптекарю. Он знал меня; я часто покупал у него купорос и наливал в чернильницу Груббинса, чтобы портить его перья и прожигать фалды его сюртука, о которые он всегда вытирал их. Я смело спросил у него унцию хлороформу. Молодой аптекарь подмигнул мне и подал бутылочку.

У Груббинса была привычка накидывать на лицо носовой платок, ложиться на спинку кресла и немного соснуть во время рекреации. Улучив удобную минуту, когда он задремал, мне удалось сдернуть с его лица платок и заменить его моим, пропитанным хлороформом. Через несколько минут он впал в бесчувственное состояние. Тогда я и Том поспешно обрили ему голову, бороду, брови, намазали лицо смесью купороса со жженою пробкою и убежали. На другой день произошла страшная суматоха и скандал. Отец всегда извинял меня, говоря, что Груббинс постоянно пьян, – но почему-то все-таки нашел удобным рано определить меня в королевский флот.

* * *

Официальным письмом за печатью адмиралтейства извещали отца, что безотлагательно ожидают меня на корабле Бельхер королевского флота капитана Больтропа, находившегося в Портсмуте. Через несколько дней я явился к высокому с суровым лицом господину, медленно ходившему взад и вперед по защищенной от ветра стороне палубы. Когда я

дотронулся рукою до фуражки, он сурово посмотрел на меня.

– Хорошо! Еще молокосос. Вся служба пойдет к черту. Дети вместо взрослых, и баре – там, где нужно дело делать...
– Помощник шкипера, передайте приказание м-ру Чику.

Появился м-р Чик, прикладывая руку к фуражке.

– Представьте м-ра Бриги молодым людям. Стойте! Где м-р Свизль?

– На верху мачты, сэр.

– Где м-р Ланкей?

– На верху мачты, сэр.

– М-р Бриггс?

– Тоже на верху мачты, сэр.

– А остальные молодые господа, – заорал рассерженный капитан.

– Все на верху мачты, сор.

– А! – сказал Больтроп, сердито улыбаясь, – при таких обстоятельствах, м-р Бризи, вам тоже лучше идти на верх мачты.

* * *

На мачте я познакомился с двумя новичками приблизительно моих лет; один из них объявил мне, что он находится тут в течение трех сот тридцати-двух дней в году.

– В дурную погоду, когда старый петух не в духе, мы ни-

когда не спускаемся, – прибавил мальчик лет девяти с кортиком таким же большим, как он сам; его представили мне под именем м-ра Бригса. Скажите, однако, Пильс, – продолжал он, – каким образом вы забыли отдать честь капитану?

– Как! я дотронулся до фуражки, – сказал я наивно.

– Да, но это, знаете, не достаточно. Это хорошо в другое время. Ему надо отдать честь как моряку, когда вы вступаете на борт корабля – новичок!

Я испугался и просил его объяснить мне в чем дело.

– Видите ли, приложившись в своей фуражке, вы должны были слегка дотронуться указательным пальцем до его сюртука, вот так, – и спросить, что поделывает кончик его носа? вот что!

– Что поделывает кончик его носа? – повторил я.

– Именно. Он немножко бы отступил при этом, и вы повторили бы приветствие, спросив снова, как поживает его королевский нос? а потом, спросив заботливо о его жене и семействе, и прося представить вас дочери канонира.

– Дочери канонира?

– Именно; она ведь ходит за нами; смотрите, не забудьте, Пильс!

Когда нас позвали на палубу, я подумал, что вот удобный случай воспользоваться наставлением. Я подошел к капитану Больтропу и повторил очень добросовестно приветствие, не забыв ничего. Он позеленел и с минуту не мог проговорить ни слова. Наконец, он произнес, еле переводя дух.

– Помощник шкипера?

– Что вам угодно, сэр, – спросил я, дрожа, – я просил бы, чтобы меня представили дочери канонира!

– О, отлично, сэр! – воскликнул капитан Больтроп, потирая руки и положительно с бешенством кидаясь по палубе. – О, черт вас побери! конечно, я вас представлю!.. Ого, дочери канонира! Чорт возьми, это слишком! Помощник шкипера!

Я не успел придти в себя, как меня схватили, потащили, привязали к восьми фунтовой пушке и выдрали розгами.

Когда мы собрались на вахте и очищали червяков из наших сухарей, Бригс утешал меня в моей неудаче, прибавив, что приветствие моряку было более наказуемо, когда его нарушали, нежели когда исполняли. Я присоединился к общему смеху над его остротой, и через несколько минут мы все были друзья. Теперь Свизль обратился ко мне.

– Мы только-что составляли план, каким образом забрать бочонок бордо, которое комиссар Нипс все закладывает втулкую. Старая крыса лежит там полдня пьяный, и нельзя пробраться к нему.

– Пройдем за ним под приемной каютой, протащим через палубу и так прокатим его, – сказал Ланкей.

Предложение было принято при громе рукоплесканий.

У Чипса, помощника плотника, достали бурав в полдюйма, и Свизль, тщательно осмотрев доски под кают-компанией, приступил к делу. Наконец, бурав исчез, но на палубе слышалось легкое смятение. Свизль торопливо вытащил бу-

рав; на конце его было несколько ярко красных капель.

– Ура! начинай снова! – закричал Ланкей. Бурав снова вставили. Раздался крик в каюте комиссара. Немедленно погасили огонь, и компания поспешно удалилась на вахту. Когда караульный просунул голову в дверь, раздался крик.

– Все обстоит благополучно, сэр, – ответил он на вопрос дежурного на палубе офицера.

На следующее утро узнали, что Нипс на руках у доктора, что у него опасная рана в мягкой части ноги, и что бурав *не* достиг бордоского.

* * *

– Ну, Пильс, теперь понюхаем пороху, – сказал Бригс входя на вахту и застегивая у пояса громадный тесак. – Сейчас показался в виду французский корабль. – Мы пошли на палубу. Капитан Больтроп оскалил зубы, когда мы приложились к фуражкам. Он ненавидел комиссара. – Идите сюда, молодые люди; если вы сверлите буравом, чтоб достать французского бордо, то вон там – его изрядное количество.

Но вот француз открыл пальбу; выстрел из тридцати двухфунтового орудия прогремел над водою. Им убило квартирмистра и оторвало обе ноги Ланвею. – Скажите комиссару, – наши счета покончены, – сказал, улыбаясь, умирающий мальчик.

Бой с остервенением длился два часа. Помню, что я убил

французского адмирала, когда мы пошли на абордаж; но когда дым рассеялся, и я глазами искал Бригса, меня очень позабавило новое зрелище. Бригс своим тесаком пришил французского капитана к мачте, и теперь со свойственной молодости веселостью занимался тем, что тянул за фалды капитана, как дергают игрушку-паяца. Всякий раз, когда Бригс дергал его, француз подымал руки и ноги, я же не мог удержаться, чтобы не принять участие в общей забаве.

– Что вы делаете, бесенята? – послышался за мною сиплый голос; я взглянул и увидел капитана Больтропа; он напрасно хотел казаться серьезным, судорожное подергивание губ выдавало его живое участие к происходившей сцене. – Ступайте на верх мачты, сэр! Ступайте вон! – повторил он сердито Бригсу.

– Слушаю-с, – сказал мальчик, хладнокровно собираясь лезть на верх. – Гм! – прибавил он мне на ухо, – хорошее обращение с героями! Служба ни к черту не годится!

Я думал одинаково с ним.

* * *

Нам велено было плыть в Вест-Индию. Хотя обращение со мною капитана Больтропа было также строго и даже сурово, но я понял, что в донесениях обо мне хорошо отозвались.

Читатели, были ли вы когда-нибудь в Ямайке? Если были, то помните негритянок, апельсины, Порт-Рояль-Том, жел-

тую лихорадку. Пробыв две недели на стоянке, я схватил лихорадку. Через месяц я был в бреду. Во время пароксизмов мне смутно грезилось строгое лицо, с беспокойством склонявшееся к моей подушке, жесткая рука поправляла мне волосы и ласковым голосом мне кто-то говорил:

– Господь с тобою, сердечный! Неужели у тебя гадкая лихоманка? – Это лицо затем обращалось в хорошо знакомые строгие черты капитана Больтропа. Когда я стал поправляться, мне подали пакет с черною каймой. Он заключал в себе известие о смерти моего отца, и запечатанное письмо, которое он во время своей болезни просил передать мне. С трепетом открыл я его. Вот что я прочел:

«Мой милый мальчик, с сожалением я должен сказать тебе, что, по всей вероятности, ты не мой сын. Твоя мать, как ни грустно мне писать это, была женщина очень плохого поведения. Кто твой отец, я положительно не могу сказать; но, может быть, многоуважаемый Генри Больтроп, капитан Б. Ф., в состоянии тебе объяснить это. По независимым от меня обстоятельствам, я должен был отложить это важное для тебя сообщение. – Твой огорченный родитель».

И так, капитан Больтроп был мой отец. Боже! Но сон ли это? Я припоминал его суровое обращение, его пытливый взгляд, его плохо скрытое смущение в моем присутствии. Мне хотелось обнять его. Шатаясь от слабости, я бросился в моей весьма легкой одежде на палубу, где в ту минуту капи-

тан Больтроп был именно занят приемом жены губернатора и его дочери. Дамы вскрикнули; младшая, красавица-девушка, сильно покраснела. Не обращая на них никакого внимания, я упал к его ногам и обнимая его колени, воскликнул:

– Отец мой!

– За борт его! – заревел капитан Больтроп.

– Остановитесь, – раздался нежный голос Клары Мэтланд, дочери губернатора.

– Обрейте ему волосы! он несчастный лунатик! – продолжал капитан Больтроп, и голос его дрожал от гнева.

– Нет, позвольте мне ходить за ним и заботиться о нем, – сказала милая девушка, краснея при этих словах. – Мама, не можем ли мы взять его с собой?

Просьба дочери не осталась безуспешна. В то же время со мною сделалось дурно; когда я пришел в себя, я был в доме губернатора Мэтланд.

* * *

Читатель отгадал, что было далее. Я сильно влюбился в Клару Мэтланд, которой я сообщил тайну моего рожденья. Милая девушка утверждала, что она сразу заметила мое благородство. Мы дали слово друг другу и решили выжидать что будет.

Через несколько дней Бригс навестил меня. Он сообщил мне что комиссар оскорбил всю вахту, и все мичмана вы-

звали его. Но он прибавил в раздумье: – Я не знаю, как мы устроим дуэль. Видишь ли, нас шестеро должны драться с ним.

– Очень легко, – возразил я. – Пусть все твои товарищи станут в ряд и примут его выстрелы; он будет плохой стрелок, если не попадет ни в одного из вас; между тем, с другой стороны, вы шестеро выстрелите в него залпом, и один из вас, вероятно, в него угодит.

Действительно, Бригс ушел, но скоро вернулся и сказал, что комиссар отказался. – Проклятый трус, – прибавил он.

Неожиданное известие о серьёзной болезни капитана Больтропа заставило отложить дуэль. Я поспешил к нему, но было уже поздно, – часом ранее он отдал Богу душу.

Я решил вернуться в Англию. Я сообщил о тайне моего рождения и показал леди Метланд письмо моего приемного отца; она тотчас же предложила мне жениться на её дочери, прежде, нежели я предъявлю права на его собственность. Нас повенчали, и на следующий день мы уехали.

Я не откладывая отправился тотчас же в сопровождении моей жены и моего друга Бригса в мою родную деревушку. Судите о моем удивлении и ужасе, когда мой приемный отец вышел из своей лавочки ко мне на встречу.

– Так вы не умерли! – через силу сказал я.

– Нет, мой милый сын.

– А это письмо?

Отец мой, как я еще должен его называть, взглянул на бу-

магу и сказал, что это подделка. Бригс катался от смеху. Я обратился к нему и просил объяснить.

– Как, разве ты не видишь, молокосос, что эта шутка, шутка мичмана?

– Но, – спросил я.

– Не будь дураком. Ты достал себе хорошую жену, – и будет с тебя.

Я взглянул на Клару и успокоился. Миссис Мэтланд никогда не простила мне этого, но добродушный старик губернатор от всего сердца смеялся шутке, и так хорошо употребил свое влияние, что я скоро стал, любезный читатель, адмиралом Бризи, командором ордена Бани.

«Вестник Европы», № 11, 1882